

Тем самым советское руководство по существу подрывало свои же собственные усилия: ограничения на доступ к информации о состоянии тюрем были настолько очевидными, что даже действительные успехи СССР в реформировании пенитенциарной системы в демократических странах по-прежнему подвергались сомнению.

Визиты иностранцев в «показательные» тюрьмы достигли своего пика во второй половине 1950-х годов, но уже в начале 60-х ситуация снова резко изменилась. Проведенная в этот период тюремная контрреформа привела к ужесточению режима в тюрьмах и колониях; в этих условиях власти уже не были заинтересованы в том, чтобы показывать исправительные учреждения иностранцам. Тогда же на Западе окончательно утвердилось мнение о Бутырке, Крюковской ИТК и других подобных местах как о «потемкинских деревнях», не отражающих истинного положения советских заключенных.

М.М. Минц

2015.02.022. БЕРХОФФ К. РОДИНА В ОПАСНОСТИ: СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. BERKHOFF K. Motherland in danger: Soviet propaganda during World War II. – Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 2012. – 407 p.

Ключевые слова: СССР; Вторая мировая война; советская пропаганда.

Монография Карела Берхоффа (Центр исследований Холокоста и геноцида, Амстердам) посвящена изучению советской пропаганды военного времени в сравнительном контексте. Опираясь главным образом на такие источники, как газеты и радиопередачи, автор ставит своей задачей выявить характерные черты и узловые темы сталинской пропаганды этого периода, обрисовать ее эволюцию и оценить результаты. В книге подчеркивается, что негативное значение термин «пропаганда» приобрел в годы Первой мировой войны. После ее окончания, пишет К. Берхофф, только Римско-католическая церковь и коммунисты с гордостью объявляли о том, что занимаются пропагандой. При всем обилии дефиниций в книге пропаганда понимается в основном как род информации, а именно умышленное и систематическое стремление формировать восприятие, психическое состояние и, главное, поведение людей с целью

достичь такой реакции, которая превзошла бы намерения пропагандиста. Агитация как род деятельности значительно отличается от пропаганды: она адресуется к эмоциям, а не к разуму и воздействует на них посредством устного слова и театрализованного образа. По мнению автора, постепенно, с возрастанием числа грамотных в СССР, разница между пропагандой и агитацией стиралась (с. 2–3).

Во введении отмечается, что предвоенный СССР был поистине пропагандистским государством, подчинив себе массовую культуру, образование и средства массовой информации. Сталин, глубоко заинтересованный в трансляции его воли подданным, вникал в мельчайшие детали пропаганды. В годы войны перед советскими СМИ встала задача мобилизовать народ на борьбу с нацистами. Наряду с агитацией и пропагандой пресса должна была сыграть серьезную роль в организации общества (с. 4).

В первой главе подробно описывается структура медийного аппарата СССР и система цензуры, особое внимание уделяется только что созданному Совинформбюро. Автор указывает на нехватку ресурсов, которая имела своим следствием недостаточный охват населения, в особенности сельского, газетной информацией и ограниченный доступ к радиовещанию, особенно с учетом того, что с началом войны было приказано всем сдать радиоприемники. Тем не менее он утверждает, что в период сталинизма пресса и радио (пусть и недостаточно развитое по сравнению с другими странами) составляли вполне стройную систему контроля над умами всего населения. Эти выводы он подтверждает в главе второй, где повествуется о том, как отражались события на фронте в газетах и сводках Совинформбюро.

По мнению Берхоффа, обет молчания был наложен на все случаи военных поражений, причем если иностранным корреспондентам могла даваться своевременная правдивая информация (как было со сдачей Киева), то соотечественники получали ее гораздо позднее, и иногда косвенным образом. Например, о взрыве советскими инженерами Днепрогэса они узнали из очерка Алексея Толстого, а не из сообщения Совинформбюро. Поражения не только замалчивались либо не признавались, их могли подавать в победном ключе, например, концентрируя внимание на героической 250-дневной обороне Севастополя (благодаря чему удалось «связать значительные силы противника» и «уничтожить большое количе-

ство вражеской живой силы и техники»), а не на факте его сдачи, которое произошло «по приказу командования» (с. 46–47).

Главной задачей цензуры (и самоцензуры) было «не допустить панических настроений», с этой точки зрения оценивались материалы корреспондентов, формировались сводки Совинформбюро, по которым очень трудно было составить реальную картину. Так что приказ Сталина, получивший название «Ни шагу назад!», явно диссонировал с основной линией средств информации, открыто признавая катастрофичность ситуации лета 1942 г. В ходе Сталинградского сражения сводки стали гораздо более откровенными, отмечает автор. Однако он указывает на тот факт, что в условиях войны цензура обязана следить за тем, чтобы важная информация не просачивалась на страницы газет и в радиопередачи. Ведь самые невинные на первый взгляд сведения могли оказаться значимыми для германской разведки. Было запрещено, в частности, публиковать фотографии городов, заводов, мостов и других сооружений, сообщать о новой военной технике или военных учебных заведениях. Не подлежала огласке и практика использования собак для подрыва немецких танков или участие медперсонала в боевых действиях, поскольку это противоречило Женевской конвенции, пишет Берхофф (с. 51). Не приветствовались сообщения о массовом участии женщин в боевых действиях, хотя они и были официально мобилизованы государством осенью 1942 г. И абсолютно табуированной была тема о службе в армии детей и подростков (примерно 25 тыс. человек). Не допускалась какая-либо негативная информация об армии и флоте, которая могла дать материал нацистской пропаганде. По этой причине, в частности, Сталин первоначально не дал «зеленый свет» публикации статьи Бориса Полевого в «Правде» о подвиге Алексея Маресьева, заметив на полях корректуры, что Геббельс может подумать об «истощении» Красной армии (с. 54–55).

По этой же причине не публиковались фото погибших и некрологи, к тому же их, по мнению Сталина, было «слишком много». Анализируя новый пропагандистский канон советского героизма, автор указывает, что на тех, кто отступал или попадал в плен, было наложено клеймо предателя, а смерть в бою считалась делом нормальным либо героическим. Более того, военные должны были стремиться к героической смерти. Рассказы о подвигах Гастелло,

28 панфиловцев, Александра Матросова, возможно, и вдохновляли на самопожертвование советских людей, которые скорее всего понимали их не совсем правдивый характер, пишет Берхофф. Однако для того, чтобы считать это «историческим фактом», следует получить доступ к источникам (сводкам НКВД), заключает он (с. 67).

Третья и четвертая главы посвящены отражению в средствах массовой информации различных аспектов жизни тыла, прежде всего мерам по трудовой мобилизации и борьбе с лишениями военной поры, а также помощи населения фронту, проблемам эвакуированных и государственной поддержке семей фронтовиков, сирот и инвалидов. Отмечая, что секретность и замалчивание и здесь играли важную роль, автор указывает на некоторые особенности репрезентации рабочих и колхозников в советской пропаганде. С одной стороны, от них требовали беспрекословно подчиняться приказам, работать сверхурочно и бороться с дезертирством на трудовом фронте. С другой – их изображали как самоотверженных патриотов, готовых на все ради победы, что нашло отражение в описаниях инициатив по социалистическому соревнованию. В СМИ постоянно подчеркивалась успешность усилий государства, заботившегося о самых уязвимых социальных группах населения, что, однако, неявно указывало на наличие если не голода, то проблем с продовольствием. Тем не менее о карточках в печати старались не упоминать, а причинами нехватки продовольствия официально считались лень и стяжательство отдельных граждан. Однако реальность убеждала людей в обратном (с. 114–115).

Реакция советских лидеров и пропаганды на массовые убийства фашистами мирных советских граждан и военнопленных, а также на истребление еврейского населения рассматривается в главах шестой и седьмой соответственно. Автор указывает, что германские планы по физическому уничтожению населения СССР не сразу стали известны советскому руководству, а обнаруживались постепенно. Однако решение о том, чтобы публиковать материалы о зверствах врага как можно более широко, было принято почти сразу после начала войны. С течением времени свидетельств о беспрецедентных жестокостях фашистов по отношению к гражданскому населению накапливалось все больше, они документировались и получали отражение как на страницах периодической печати, так и в кинохронике, вызывая острое чувство ненависти к

врагу. Причем здесь, полагает автор, советская пропаганда ничего не преувеличивала, и люди понимали это (с. 133).

Берхофф отмечает, что в годы войны как для СССР, так и для их союзников была характерна тенденция к «универсализации преступлений нацистов», так что Холокост оказывался «похоронен» среди других сведений о жестокостях по отношению «ко всем советским гражданам» (с. 161). Тем не менее, утверждает он, какой-либо определенной линии на замалчивание массовых убийств евреев в этот период не было, и советские читатели и радиослушатели при желании вполне могли получить интересующую их информацию.

Продолжает тематику глава седьмая, посвященная «пропаганде ненависти к врагу», в которой рассматриваются различные аспекты этой проблемы. В то время как британская пропаганда сразу же поставила знак равенства между «немцами» и «фашистами», в СССР официальным термином оставались «немецко-фашистские захватчики». На бытовом уровне отношение к немцам было двойственным, включая в себя и ненависть к оккупантам, и жалость к военнопленным, и даже любовные (брачные) отношения на оккупированных территориях. В любом случае, полагает Берхофф, в деле мобилизации населения информация о жестокостях фашистов была гораздо результативнее, чем «наука ненависти» к врагу (с. 201).

В главах восьмой и девятой рассматриваются взаимосвязанные вопросы патриотизма и предательства с особым акцентом на той атмосфере подозрительности, которая была столь характерна для СССР и самого Сталина еще в довоенные годы. По мнению автора, совершившийся во время войны поворот к русоцентризму не нашел отражения в пропаганде во всей своей полноте. Оставались определенные ограничения, препятствовавшие разворачиванию «великорусского шовинизма» и принижению других народов. Хотя война и получила название «Великой Отечественной», Сталин, например, прославлял не «Россию», а «советскую родину» – многозначный термин, который для каждого гражданина мог означать что-то свое (с. 206). В ходе обычного для военного времени усиления национализма проводились мероприятия по «укреплению дружбы народов», которые включали в себя как борьбу с националистическими и сепаратистскими тенденциями, так и поощрение преданности «советской родине». На примере Украины показано,

что борьба с «желто-голубой опасностью» сопровождалась мерами, поощрявшими «братский народ», в качестве одного из примеров автор называет учреждение в 1943 г. ордена Богдана Хмельницкого (с. 212). Депортации целых народов, проводившиеся после коренного перелома в войне, имели своей целью найти и обезвредить предателей, причем составление «черных списков» носило импульсивный и алогичный характер, а сам процесс практически не освещался в средствах массовой информации (с. 217–218). В целом, по мнению Берхоффа, осторожность Сталина, понимавшего необходимость мобилизации не только русского, но и других народов СССР, предотвратила усиление русоцентристских, ксенофобских и антисемитских тенденций в центральных СМИ. В то же время пропаганда способствовала формированию этнического самосознания у русских (с. 221).

Подозрительность распространялась не только на другие народы, но и на население в целом, оставшееся на оккупированных территориях. Официально считалось, что большинство из них – потенциальные предатели родины, однако эта точка зрения не пропагандировалась в СМИ. Напротив, распространялись сведения о партизанах и подпольщиках, героически погибших в борьбе с врагом и замученных в фашистских застенках. Эта проблематика рассматривается в главе 10 «Бессмертные мстители и приспешники врага». Последняя глава анализирует образы союзников СССР в войне против Германии, сосредоточивая внимание на Польше, Великобритании и США. Отмечается, что советская пресса дала беспрецедентный для истории пример полного и систематического замалчивания деятельности союзников, преуменьшения их помощи в поставках продовольствия и вооружения (с. 255–256). Согласно советской пропаганде, СССР в одиночку бился с фашистской Германией, вынес все тяготы войны и победил в ней, пишет Берхофф. И хотя многие тогда понимали, что это было не так, возобладала официальная точка зрения, которая выносила за скобки военные действия в Европе, начавшиеся в 1939 г., и сводила Вторую мировую войну к Великой Отечественной, начавшейся 22 июня 1941 г. и закончившейся 9 мая 1945 г. (с. 267–268).

Подводя итоги, автор выделяет общие и особенные черты советской военной пропаганды. Как и в других воюющих странах, советские СМИ искали и находили героев, уменьшали масштабы Хо-

локоста, очерняли народы и клеймили предателей. При этом для советской пропаганды были характерны «унизительное сокрытие фактов, известных за рубежом»; упрощенное толкование дилеммы «смерть и предательство»; пренебрежительное отношение к страданиям сограждан в тылу; открытая поддержка точки зрения, что каждый должен ненавидеть захватчика; обуздание шовинизма; принижение военных усилий союзных государств (с. 274).

Что касается эффективности пропаганды, то, по мнению Берхоффа, в повседневной жизни тыла решающее значение имели иные факторы: милитаризация труда; информация о жестокостях фашистов; разговоры с беженцами, эвакуированными, фронтовиками и др. Слухи представляли собой серьезную альтернативу официальной точке зрения, которая выражалась казенным языком и редко имела непосредственное отношение к реальности. Пресса была перенасыщена сообщениями ТАСС и официальными документами, что признавал даже глава Агитпропа Александров, и не могла составить конкуренцию рассказам очевидцев. Так что в итоге, пишет автор, успехи в битве за умы и сердца оказались более чем скромными для той всеобъемлющей системы контроля, какую представляло собой сталинское государство. Сталина спасла не столько пропаганда, сколько реальность, поскольку гитлеровский режим не мог предложить приемлемой альтернативы. Уверенность в этом, которая основывалась не только на пропаганде, но и на слухах, и заставила советских людей сплотиться вокруг государства и его вооруженных сил, заключает Берхофф (с. 277–278).

О.В. Большакова

2015.02.023. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ.

An environmental history of Russia / Josephson P., Dronin N., Efrementko D. e.a. – Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 2013. – 341 p. – (Studies in environment and history).

Ключевые слова: Россия, СССР; окружающая среда; охрана природы; эконационализм.

В кембриджской серии «Исследования окружающей среды и история», включающей более трех десятков публикаций, в 2013 г. вышло очередное издание – коллективная монография пяти авторов, представляющих исследовательские учреждения нескольких